

УДК 821.162.3

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.09

А. В. Грасько

Изображение коммунистической стройки в романе И. Вайля «Деревянная ложка»

Грасько Анна Васильевна

Младший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: anna-grasko@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7805-9008

Цитирование

Грасько А. В. Изображение коммунистической стройки в романе И. Вайля «Деревянная ложка» // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 185–203. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.09

Статья поступила в редакцию 01.08.2025.

Рецензирование завершено 10.09.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

Впервые вводится в российский научный оборот роман чешского писателя и публициста Иржи Вайля (1900–1959) «Деревянная ложка» (1937), где главной темой и местом действия становится стройка медеплавильного комбината на озере Балхаш – Балхашстрой. Масштабное коммунистическое строительство Вайль старается оценить человеческой меркой – изобразить сквозь призму жизненных судеб четырех персонажей, каждый из которых представляет собой определенный типаж: оказавшиеся в ссылке советский чиновник, чешский интеллигент-коммунист, квалифицированный рабочий-иностранец, мобилизованная на стройку комсомолка. Судьбы этих персонажей дают автору возможность показать разные стороны советского строительства – бытовые, психологические, идейно-политические. Пространство Балхашстроя осмысливается писателем как место суровых испытаний, где против человека оказываются и безличная государственная машина, направленная на достижение своих грандиозных целей, и природа – суровая пустыня, не приспособленная для жизни людей. Интересно, что лишенная персонафикации воля государства приравнивается автором к року древнегреческих трагедий, а его антропоцентрическая позиция сближает роман «Деревянная ложка» с произведениями таких советских

писателей, как А. Платонов, Б. Пильняк, Ю. Олеша. Вместе с тем роман включает в себя не только экзистенциально-философскую оценочность, но и пафос героического строительства, преодоления природы и своего «я», и в этом соотносится с советским производственным романом 1930-х гг.

Ключевые слова

Чешская литература, Иржи Вайль, коммунистическое строительство, советские стройки первых пятилеток, СССР 1930-х гг., литература об СССР, образ советской России, Балхашстрой.

Тема коммунистического строительства является одной из центральных в публицистических и художественных текстах чешского писателя и корреспондента Иржи Вайля об СССР 1930-х гг. Она присутствует и в его репортажах, и в художественных романах – «Москва-граница» (1937), «Деревянная ложка» (1937). Это не удивительно – 1930-е гг. стали пиком советской индустриализации и строительного энтузиазма в обществе и отражения его в культуре: создавались промышленные гиганты в рамках первых пятилеток¹; проходила индустриализация Средней Азии; строилось московское метро; одним из главных жанров в литературе стал производственный роман², героем которого был «человек, организуемый процессами труда»³; в 1931 г. по инициативе М. Горького издавалась серия сборников «История заводов»⁴; на пяти языках выходил журнал «СССР на стройке» (1930–1949), призванный информировать мировую общественность о важнейших советских достижениях⁵. Именно эти процессы

1 За первую (1928–1932) и вторую (1933–1937) пятилетки было построено более 6 тыс. новых промышленных предприятий, были созданы новые отрасли промышленности – в том числе автомобильная, тракторная, химическая и др.

2 См. о производственном романе: *Гаганова А. А.* Производственный роман. Стадиальное развитие жанра. Монография. М., 2022; *Земскова Д. Д.* Советский производственный роман: эволюция и художественные особенности жанра: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. М., 2016.

3 Из доклада М. Горького на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934. С. 183.

4 См.: Об издании «Истории Заводов». (Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 10 октября 1931 г.). Приложение № 2 к п. 52/18 пр. ПБ № 68. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 853. Л. 12. URL: <https://istmat.org/node/53693> (дата обращения: 28.08.2025).

5 См. выпуски журнала: URL: https://books.totalarch.com/magazines/ussr_in_construction?ysclid=mdem7pvdio759004429 (дата обращения: 28.08.2025).

Вайль мог наблюдать в течение своего пребывания в СССР с лета 1933 по ноябрь 1935 г. При этом, в отличие от многих других европейских визитеров, которым показывали «витрину» советского эксперимента⁶ – образцово-показательные учреждения, стройки, тюрьмы, – Вайль имел возможность более длительного и внимательного наблюдения за советской реальностью и ее внутренними процессами: с лета 1933 г. по январь 1935 г. он работал в московском отделении Коминтерна, затем в результате «чистки» был сослан в Среднюю Азию, работал в многотиражке в чехословацком Интергепло⁷ в Киргизии, потом, предположительно, до середины октября 1935 г. был корреспондентом на стройке медеплавильного комбината Балхашстрой в Казахстане, после чего вернулся в Москву и дальше в Чехословакию. Таким образом, волею обстоятельств Вайль провел в СССР два года, которые совпали со временем начала второй пятилетки, ему довелось наблюдать строительство метро в Москве и масштабное строительство в Средней Азии. Однако кроме строительного «жара» второй пятилетки на Вайля повеяло и отрезвляющим «холодом» – чешский писатель на своем опыте ощутил обратную сторону советской реальности 1930-х гг., связанную с нездоровой атмосферой «чисток», усилением государственной идеологической машины, функционированием исправительно-трудовых лагерей и в целом – обострением конфликта человека и государства, который вызывал скрытую полемику внутри Советского Союза и открытую – за его пределами⁸. Именно этот сложный спектр впечатлений (от веры в коммунистическое строительство

6 О механизмах приема иностранных гостей в СССР см.: Куликова Г. Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов: очерки документированной истории. М., 2013; Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М., 2015.

7 Кооператив Интергепло был основан близ города Фрунзе в 1925 г. и являлся действенным откликом на резолюцию о пролетарской помощи СССР, принятую Коминтерном на IV съезде в 1922 г. и поддержанную в 1923 г. чехословацкой компартией, направившей в Советский Союз пять кооперативов. Об истории Интергепло подробнее см.: Шульц И. Стахановцы из Европы. Почти забытая история о переселении чехословацкой коммуны в СССР // Пражский экспресс. URL: <https://www.prague-express.cz/personal-experience/68786-stakhanovtsy-iz-evropyh> (дата обращения: 28.08.2025); Lukáš O. Utopie v Leninově zahradě: Československá komuna Interhelpo. Žilina, 2023; Marek J. Interhelpo. Tragický příběh československých osadníků v Sovětském svazu. Brno, 2020.

8 Так, например, широкая мировая дискуссия разгорелась после выхода критической книги А. Жида «Возвращение из СССР» (1936).

до экзистенциальных сомнений) отразился в «советских» произведениях Вайля – «Москва-граница» и «Деревянная ложка». При этом если в романе «Москва-граница» герои обладают относительной свободой и правом выбора, живут в Москве, где познают механизмы советского мироустройства, то в «Деревянной ложке» главной и сюжетообразующей становится тема стройки гиганта второй пятилетки медеплавильного комбината Балхашстроя, который как магнит притягивает людей, уже не принадлежащих себе. В данной статье речь пойдет именно об этом втором романе Вайля, где в пределах изображения топоса одной из громадных советскихстроек еще острее, чем в «Москве-границе», ставится проблема оценки советской действительности.

Роман «Деревянная ложка» был написан в 1937 г. вслед за «Москвой-границей», однако, по словам А. Едличковой, Вайль не решился его публиковать, когда «каждое критическое слово в адрес Советского Союза могло бросить тень на государство, к которому с надеждой обращались взгляды многих в условиях наступления фашизма»⁹. В послевоенное время роман считался антисоветским, не случайно попытка его опубликовать даже в период «оттепели» в 1960-е гг. в издательстве «Чехословацкий писатель» (*Československý spisovatel*) не увенчалась успехом. Первая его публикация состоялась в Италии в 1970 г., затем в 1977 и 1980 гг. в самиздате в издательствах «Кварт» (*Kvart*) и «Экспедице» (*Expedice*). Официально в Чехии роман вышел только в 1992 г. с комментарием Я. Вишковой и обширной рецензией литературоведа А. Едличковой.

По своей литературной специфике роман сочетает в себе документальное и художественное начало и является отражением реальных впечатлений Вайля от пребывания в Средней Азии: кроме Балхашстроя, в нем есть описание Турксиба и движения по нему, суровой азиатской природы, города Алма-Ата, чехословацкой коммуны Интергельпо. Пребывание писателя непосредственно на Балхашстрое подвергается сомнению некоторыми чешскими исследователями, поскольку его не подтверждают архивные данные, нет также и газетных репортажей Вайля об этой стройке. Однако свидетельством того, что Вайль все же работал на Балхашстрое в качестве корреспондента (вероятно, с августа по октябрь 1935 г.), является его анкета, приведенная в мемуарах Я. Вондрачковой: «В колонии [Интергельпо. – А. Г.] я работал в редакции “многотиражки”, а затем корреспондентом на Балхаше»¹⁰.

⁹ *Jedličková A.* Shledávám, chtě chválit skutky božské, že bohové jsou zlí // *Weil J. Dřevěná lžíce.* Praha, 1992. S. 199.

¹⁰ *Vondračková S.* Mrazilo – tálo. (O Jiřím Weilovi). Praha, 2014. S. 46.

Так или иначе, само строительство медеплавильного комбината на Балхаше является историческим фактом, это действительно была одна из масштабных строек второй пятилетки. Упоминание о ней есть в журнале «СССР на стройке» в номере, посвященном строительству в Казахстане (№ 11, 1935), а в 1963 г. была опубликована целая документальная книга о строительстве на Балхаше – «Медный гигант», где автор Л. А. Пинегина так обозначает его значимость: «Балхаш явился ключом к разрешению важнейшей для страны проблемы. Стране нужна была медь. Об остроте проблемы можно судить по тому, что В. И. Ленин в 1920 году писал Г. М. Кржижановскому о необходимости начать со сбора колоколов, медных ручек и чайников, чтобы затем перейти к созданию медеплавильных гигантов. Этот путь, указанный Лениным, и проделала наша страна. А создание Балхашского горнометаллургического комбината – одна из наиболее примечательных вех на этом пути»¹¹. Таким образом, в своем романе Вайль показал одну из самых крупных строек второй пятилетки, на которую советское правительство не жалело средств¹².

Сравнивая художественный текст Вайля с книгой «Медный гигант», можно также сказать, что все реалии, изображенные Вайлем, находят в ней отражение в разделе о «подготовительном» этапе стройки, завершившемся в 1935 г.: это проблемы водоснабжения, электрификации, дефицит продовольствия, связанный с отсутствием железной дороги и непроходимостью пустыни, цинга, свирепствующая зимой, напряженное ожидание сдачи ветки Караганда – Балхаш, которая должна решить проблему снабжения и соединить Балхашстрой с Коунрадским месторождением, мобилизация рабочих для помощи строительству, привлечение к стройке киргизского и казахского населения, приезд комиссии представителей Наркомтяжпрома СССР. Какие-то из этих фактов, по-видимому, Вайль знал и видел лично, о каких-то читал, о каких-то слышал от других – все это переплетается в «Деревянной ложке» в единый авторский текст и становится частью художественного мира, через который просвечивает документальная

11 Пинегина Л. А. Медный гигант: Ист. очерк [о Балхашском горнометаллургич. комбинате] / Акад. наук Каз. ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. Алма-Ата, 1963. С. 4.

12 См: Там же. С. 44: «Союзное правительство отпускало на строительство основных промышленных объектов Балхашского комбината громадные капиталовложения. Если с начала работ, с 1929 года, до 1 января 1935 года на строительстве было освоено 149 миллионов рублей, то ассигнования на один только 1935 год составили 70 миллионов, а на 1936 год – около 130 миллионов рублей».

основа. При этом строительство, развернутое посреди пустыни, приобретает и символический характер – это пространство, враждебное человеку, связанное с тяжелыми испытаниями.

Изнутри стройка воспринимается героями как хаотическое пространство, не до конца реальное: «Небо без облаков над лагерем, песчаные берега, далекая гладь соленого озера Балхаш. Копошение людей, нелепое и лихорадочное беганье без цели. Скрип несмазанных колес тачек, ритмичное пыхтение грейферов, медленное падение песка, звуки соединяются в неопределенный гул» (103)¹³; «Фишеру лагерь показался похож на беспорядочный лагерь кочевников. Он был заглушен и подавлен адским шумом и бессмысленным движением, ему казалось все нереальным, будто придуманным. Нигде будто не было порядка, у него под ногами все время мешались тачки, и он запинаясь о доски» (101). Вид сверху на стройку с высоты сторожевой вышки также подчеркивает ее бесконечность и нечеловеческий масштаб – стройка тянется до горизонта, и отдельные люди на ней теряются, превращаются в хаотичную человеческую массу: «Внизу свистели и гудели грейферы, длинными цепями вились фигурки людей, вывозящих глину. Из полевых кухонь валил дым, щиплющая гарь неслась от кочевых лагерей местных жителей. Глубоко внизу в больших ямах копошились люди. И далеко до горизонта можно было увидеть только работу» (162).

Однако Вайль показывает, что внешняя необъятность и видимая хаотичность пространства организована кем-то, и доказательство тому – карта, которую видит герой Ян Фишер в кабинете начальника ОГПУ: «Это была огромная карта, и на ней были только кружочки – синие, зеленые, красные, черные – кружочки росли, уменьшались, разветвлялись, соединялись и разъединялись – это был план большой стройки и оценки человеческого материала – учет копателей и квалифицированных рабочих, баланс стройматериалов и расчеты будущих работ. Все было ясно и точно обозначено кружочками, машина пришла в движение, и не было такой человеческой силы, которая бы ее могла остановить. Сто тысяч людей было брошено в пустыню, некоторые пришли по своей воле, другие недобровольно, некоторые были мобилизованы, чтобы заслужить честь, другие сюда были посланы, чтобы отбывать наказание. Карта – это был трезвый учет, оценка равновесия сил» (101).

¹³ Здесь и далее цитаты из романа «Деревянная ложка» будут приводиться в нашем переводе, страницы указываются в круглых скобках по изданию: *Weil J. Dřevěná lžice. Praha, 1992.*

Среди героев романа «Деревянная ложка» трудно выделить одного главного. Несмотря на то, что в нем продолжается история Яна Фишера, одного из центральных персонажей «Москвы-границы», Вайль с самого начала ведет четыре параллельные сюжетные линии, связанные с разными персонажами, в силу тех или иных обстоятельств попадающими на Балхашстрой. Кроме Яна Фишера, это Александр Александрович, Лида Раисова и Тони Штрикер. От этих четырех основных линий, в свою очередь, отходят периферийные, связанные с воспоминаниями героев или с другими персонажами, благодаря которым создается более полное представление о социальном, бытовом, историческом, психологическом контексте. Отталкиваясь зачастую от реальных прототипов, Вайль создает определенные характерные для своего времени типы, образ мышления которых отражает не только и не столько индивидуальность, сколько стереотипы мышления определенной социальной группы. Органичным художественным средством рассказа о разных судьбах людей внутри сложной советской реальности становится для Вайля техника монтажа: роман построен на чередовании разных линий повествования, при этом переключение от одного персонажа к другому происходит довольно резко, сюжетные линии могут перебивать друг друга на небольшом отрезке текста, как бы создавая несколько одновременных «картинок» в одном большом кадре, иногда сюжеты наплывают друг на друга, один переходит в другой.

Наиболее близким самому Вайлю является чешский интеллигент, коммунист, работник печати **Ян Фишер**. Этот герой, как мы уже сказали, перешел в роман «Деревянная ложка» из романа «Москва-граница». И если в «Москве-границе» его судьба обрывается на «чистке» и исключении из партии, то в «Деревянной ложке» мы видим продолжение: одинокие блуждания Фишера по Москве в ожидании отъезда, его отправка в Алма-Ату (на обычном пассажирском поезде под видом корреспондента), приезд в Алма-Ату, распределение его на Балхашстрой, после чего ему обещано возвращение в Чехословакию, жизнь Фишера на Балхаше, его отъезд домой.

На протяжении всего романа Вайль старается показать те испытания, которые преодолевает Фишер, его психологические колебания. Так, в Алма-Ате ему предлагают выбор – остаться жить в этом городе в хороших условиях или поехать на Балхашстрой и таким образом заслужить возвращение на родину в Чехословакию. На прямой вопрос сотрудника ГПУ Фишер сначала боится ответить, что хотел бы вернуться домой, однако советский функционер ожидает услышать именно этот естественный ответ, в его вопросе, вопреки ожиданиям Фишера,

нет подтекста. Распределение на Балхашстрой Фишер парадоксально воспринимает как новое право на жизнь в советском обществе: «Тише воды, ниже травы, он пришел, чтобы его снова включили в ряды коллектива, чтобы ему снова было дано право на жизнь. Нет, сейчас он уже не последний в колонне на похоронах Рудольфа Герцога, сейчас он в ряду врагов, но у него есть свое место, он получит бумагу с резолюциями, ему будет распределена работа, он уже не мертвый среди живых» (83). На Балхашстрое Фишер узнает, что на стройке ему предстоит не копать землю в числе других заключенных, а заниматься культурно-просветительской работой, которую ему определил начальник лагеря: «Культурная работа. На другое вы не годитесь. Она так же нужна, как любая другая» (102). Фишеру поручают готовить материалы для настенной газеты, писать репортажи о ходе строительства, соревновании строительных бригад, следить за посещением кружков. Смысл его работы начальник культурно-воспитательного отдела объясняет так: «Это обычная работа массовика. Но здесь мы на Балхаше. И работа будет вестись среди заключенных. Разница здесь именно в месте, но не в самой работе, понимаете. Здесь *другие* люди, это элементы, исключенные из общества, которых мы должны вернуть в общество» (105).

Таким образом чешский интеллигент, коммунист Ян Фишер становится одним из участников строительства Балхашстроя, получает паек категории инженерно-технических работников (ИТР), ордер на койку в бараке. Будучи сотрудником газеты, он общается с самыми разными людьми, слушает их истории, видит их отношение к стройке, труду. Так, Фишер замечает, что уголовные преступники сохраняют свою иерархию, но порой становятся хорошими работниками; инженеры, бывшие противники коммунистического режима, ведут себя равнодушно, хотя и могут оценить важность освоения азиатских месторождений; кулаки категорически сопротивляются работе на стройке и коммунистическим порядкам, ведут себя настороженно и недоверчиво; кочевые жители Казахстана и Киргизии не способны привыкнуть к тяжелому труду и ограничению свободы, теряют интерес к жизни. Именно среди этих людей Фишер должен распространять советскую риторику, в которой, в общем, старается убедить и себя: «Разве можно зимой отступить от этого дела? Разве ничего не означает – 64% всех залежей меди в Советском Союзе, 75% олова и 50% цинка? Сто тысяч людей устоят в пустыне, и в заливе Бертыс будет построен медеплавильный комбинат, железная дорога соединит шахты Караганды с Балхашом. Что такое пятьсот километров? Хотя это пустыня, засуха, снежные бури, твердокаменная земля, растрескивающаяся летом и глубоко промерзающая

зимой, но ведь был построен Турксиб, Туркестано-Сибирская железная дорога. Кони падали и люди умирали, но люди выдержат больше, если они знают, над чем они работают» (151).

Несмотря на понимание цели строительства, его необходимости и масштаба, Фишера мучает тот же внутренний конфликт, что и в Москве, — он чувствует себя «лишним» человеком в советском обществе, не может понять своей роли, значимости своей работы, которая требует напряжения всех его сил, но не связана с настоящим коммунистическим строительным трудом: «Все безразлично и похоже на московское учреждение. [...] Но где-то внизу, так же, как и на московском заводе, живая настоящая работа. В работе люди создают свое будущее, становятся квалифицированными рабочими, избавляются от плохих привычек, воровского прошлого. Задача Фишера — писать об этом статьи канцелярским языком, сокращать и дополнять, добавлять звучные фразы, как необходимый аккомпанемент. [...] Живая, быстрая, страстная жизнь превращается в печатные чернила. Ничего, все в порядке, словесный аккомпанемент не может быть другим. Но писать о геройстве других, собирать новости, сокращать и дополнять, создавать из человеческих судеб строчки — такая работа Фишера. Он ее выполняет потому, что не умеет копать глину и мешать бетон, потому что он не на своем месте, как Тони Штрикер, у которого есть его токарный станок и мастерская» (167).

Выжить, не отчаяться в чужой стране, в тяжелых условиях Фишеру помогает мысль о Европе и о скором возвращении на родину: «Как вышло, что он выдержал голод на Балхаше? Ведь умерло столько людей... [...] Но Фишер хотел жить. Здесь была надежда, крепкая надежда, хотя он и не хотел о ней думать, хотя он уже свыкся с Балхашом и стал дисциплинированным, ответственным сотрудником газеты. Где-то далеко, даже нельзя угадать, за сколько километров, была Европа. Он вернется, вернется, потому что был на Балхаше. Его простят, и он вернется. Тише воды, ниже травы» (167). Думая о Европе, Фишер прежде всего думает о природе, не враждебной по отношению к человеку: «В Европе есть высокая трава, берега текущих рек, вода, пресная вода. Когда-нибудь будет вода и на Балхаше, но никогда на Балхаше не будет реки, тихой реки» (167). В конце романа Фишера отпускают, он готовится к отъезду в родную Чехословакию — «меже» в Европе: «Пойте, трубачи, также и о родной земле, меже в Европе. Воды шумят в ее лучинах, боры шумят на ее взгорьях, далеко лежит родная земля, никогда не долетит туда зеленая ворона Киргизии, не доползет ящерка варан, не доскачет антилопа джейран. Это моя страна, в которую я возвращаюсь» (197). Обращает на себя внимание

не только смысл финальных фраз романа, но и стилистика этого отрывка, где звучит эпическая интонация, возникает целый ряд поэтических образов родной природы и явно слышится переключка с гимном Чехословакии: «Где мой дом, где мой дом, / где вода шумит в лугах, / где леса шумят в горах, / где сады цветут весной...».

Противоположный Фишеру персонаж – молодой австрийский рабочий **Тони Штрикер**, также присутствовавший в «Москве-границе». На долю Тони выпало много испытаний – он был гоним в Вене за свои левые взгляды, сидел в тюрьме, голодал, приехав в Москву, работал на Станкозаводе, однако вскоре попал в жернова «чистки» за свое вольнодумство, а формально – по надуманному обвинению в участии в заговоре против Кирова, убитого 1 декабря 1934 г. В отличие от Фишера, которому была предоставлена возможность ехать в обычном пассажирском поезде в Среднюю Азию, Тони, квалифицированный рабочий, ни в чем не виновный, едет в арестантском вагоне вместе с преступниками, кулаками, спекулянтами, однако он заранее уверен, что Балхаш не сможет изменить его человеческой сущности. На Балхаше Тони сразу попадает в мастерскую к Савве Дмитриеву, бывшему ленинградскому инженеру Семянниковского завода, который начинает его ценить как умелого рабочего и доброго товарища, делает своей правой рукой. Таким образом, Тони попадает на Балхаше в привычную стихию производства, и, несмотря на тяжелые условия, чувствует себя на своем месте. Ему не свойственна слишком глубокая рефлексия относительно себя и своей судьбы, он разделяет основной постулат советского государства о том, что счастье человека – в труде: «Если человек теряет работу, теряет все, а у меня есть работа, веселая работа» (170). Когда Фишер, с которым он встречается на стройке, спрашивает его, хотел ли бы он вернуться в Европу, Тони отвечает: «Ну и что с того? Будто это не все равно. Пахать буду так же. Но ты, конечно, с нетерпением ждешь, чтобы поехать домой. Кафе, кинотеатры, книги, нет? Это будет прекрасная жизнь, а все остальное пусть катится. Думаю, тебе уже хватило Балхаша» (169); «Вот моя судьба: с капиталистами я не договорился, с коммунистами тоже. Думаю, мне остается только этот станок» (169). Однако история Тони трагически обрывается – его цех вызывается помочь на отстающем строительном участке, из-за которого срывается общий план, именно там с Тони происходит несчастный случай – его засыпает землей. Таким образом, Тони Штрикер становится такой же символической жертвой социалистического строительства, как в первом романе Вайля «Москва-граница» румынский революционер Рудольф Герцог, посланный в Европу Коминтерном.

Единственный русский среди четырех основных героев «Деревянной ложки» – советский функционер **Александр Александрович**. Фигура Александра Александровича неоднозначная, однако по-своему трагическая. Его человеческий типаж сытого успокоившегося советского бюрократа не близок автору, но его судьба наглядно показывает советскую турбулентность, непредсказуемую и фатальную, то, как человек, потерявший власть и не имеющий твердого основания, сам легко оказывается жертвой государственной машины, теряет себя. Трагедия Александра Александровича в том, что он, кажется, своими руками совершал революцию и строил советское государство, а его революционный путь начался еще в царское время, когда он отказался от своего отца, купца из Казани, сидел в царской тюрьме. Во время октябрьской революции 1917 г. Александр Александрович участвовал в вооруженных стычках в Москве, а при советской власти стал занимать высокие должности, представлять СССР за границей. В начале романа Александр Александрович – влиятельный чиновник, имеющий связи в ЦК, глава «Общества по научным связям с заграницей», обитатель Дома правительства («Дома на набережной»), его жена – француженка, его образ жизни – не по-советски буржуазный (личный автомобиль, светские вечера с иностранцами, посещения «Метрополя»). Однако тучи над головой Александра Александровича стремительно сгущаются, и он прямо с высоты советского Олимпа попадает на Лубянку, обвиненный в троцкизме: «Александр Александрович был арестован вдруг. Он был сметен, сокрушен в своем ослеплении, не знал, что его ожидает, политическая прозорливость подвела его» (87). При этом Вайль показывает, что в беспричинном, на первый взгляд, крушении Александра Александровича есть историческая логика – молодая революционная смена смещает его: «Новые люди встали во главе страны, люди из гражданской войны и с заводов, выросшие комсомольцы, которые стали заслуженными на стройках первой пятилетки. Они возводили государственную промышленность и ни во что не ставили дореволюционное подпольное прошлое, если оно не было дополнено позднейшей работой. [...] Своими собственными руками они создавали историю, обновляли промышленность, валялись во вшивых бараках, умирали от тифа, работали в сорокаградусный мороз. Перед их глазами вырастали огромные заводы и города, реки меняли свое русло, края меняли свой облик. Их руки, их собственные руки все создали. Они пришли, чтобы взять власть, которая им принадлежала. [...] Александр Александрович всегда их боялся и презирал, хотя делал вид благосклонный и покровительственный» (87).

Вайль показывает, как Москва, московское благополучие стремительно отдаляются от Александра Александровича, как вся прошлая жизнь уходит в небытие: «Каждый день выезжают автомобили, тяжелые автомобили из здания ГПУ на Лубянской площади, а сейчас площади Дзержинского. Рядом Кузнецкий мост, улица роскошных магазинов, машины огибают Кузнецкий мост и Петровку, выезжают на Трубную площадь, огибают главные улицы, едут кривыми переулками по старой Москве. На этот раз в машине едет Александр Александрович. Ох, как смешно выглядит его черный костюм из мягкой английской материи, как он измят и скатан, как смешно выделяются его штиблеты на грязных полуботинках без блеска! [...] А сейчас посмотрите, как смешан с пылью высокий сановник, как он подсказывает, когда автомобиль трясется по плохой мостовой, нет, это не роскошный лимузин, который каждый день ждал его возле Дома правительства. Но никто из знакомых не может видеть Александра Александровича, глубокая ночь и грузовые автомобили не проезжают мимо ресторана Националь. Однако же это было бы любопытное зрелище для иностранных дипломатов, которые сейчас, вероятно, выходят из отеля, вот они, загадки русской души, вот случай, интересный для сенсационных новостей, вчера господин, а сегодня грязный арестант» (126).

Отправка на Балхаш и пребывание там в среде арестантов лишают героя почвы под ногами: «Тяжело было узнать в Александре Александровиче, когда он появился на Балхаше, бывшего улыбчивого хозяина, веселого собеседника из отеля “Метрополь”. С ним не обращались лучше, чем с другими заключенными, даже, наверное, немного хуже, ведь раньше он был выдающимся членом партии, ответственным работником, который партию опорочил и втоптал в грязь. Это было хуже, в десять раз хуже, чем сидение в царской Бутырке, в Бутырке его били *надсмотрщики*, но там он страдал во имя вещи, в которую верил, которая в конце концов победила. [...] А как его позорно встретили на Балхаше, как заключенные смеялись над его грязным, измятым костюмом, над его барским тоном, от которого он не смог отвыкнуть...» (126). И, что еще важнее, — Балхаш лишает героя чувства собственного достоинства, в нем обнаруживаются худшие качества, такие как малодушие, трусость, лицемерие, озлобленность, зависть, которые не дают ему сблизиться с другими заключенными. Ссылаясь на больное сердце, Александру Александровичу удастся получить «легкую» работу — он попадает в цех Саввы Дмитриева и Тони в качестве секретаря. Однако обитатели цеха сразу чувствуют его инородность, начинают относиться к нему пренебрежительно, еще больше задевая его самолюбие. Александр

Александрович не может смириться со своим падением, он все время вспоминает революционное прошлое, московскую жизнь, с удивлением обнаруживает, что сам стал незаметной частицей тех планов, которым рукоплескал в Москве на съездах партии. При этом Вайль показывает, что герой не может постоять за себя, потеряв власть, он не чувствует в себе силы, храбрости, готов только просить о милости комиссию народного комиссариата тяжелой промышленности, приехавшую на Балхаш: «Нет, процессов уже не будет, ты затерялся на Балхаше, стал “дядей” (так без почтения его назвала молодая комсомолка. – А. Г.), обычным поденщиком. А поденщик может просить о милости. Он может поклониться комиссии и сказать: я сломлен, смирен, слушаю ваши указания. [...] Дайте мне скромное место, освободите меня с Балхаша, я не могу жить с ворами» (173). Характерно также, что единственный человек, у которого Александр Александрович вызвал интерес и сочувствие, оказался из среды бывших купцов, той самой, из которой он сам вышел и с которой, казалось, навеки порвал. Судьба героя, с одной стороны, показана как закономерная, обусловленная его личными качествами, которые не вызывают большого сочувствия у автора и его персонажей, но, с другой стороны, его типаж выглядит по-человечески убедительно, а его судьба обнаруживает холодные, безжалостные механизмы «революционного» обращения с человеком.

Еще одна героиня романа – комсомолка **Лида Раисова**, выросшая в Интергельпо. Хотя она и чешка, именно она представляет собой тип героя нового поколения с новым, советским мышлением – она привыкла к преодолению трудностей, не боится их, умеет терпеть и оптимистично смотреть в будущее, не слишком склонна к рефлексии, мечтает о масштабных свершениях. Окончив медицинское училище, она отправляется на Балхашстрой по распределению комсомола. На Балхашстрое чувствует себя посвященной во что-то по-настоящему важное, сакральное, осознает значимость своей миссии. Она быстро адаптируется: «Лида научилась сухой трезвой речи, повелительной и командной, отрывистому военному тону, который преобладал в лагере. Она научилась сохранять внешнее спокойствие при любых обстоятельствах и никогда не удивляться – такова была мудрость начальника лагеря» (162). Девизом девушки становится «не хныкать и не выпячиваться» (161), несмотря на все тяжелейшие условия в лагере. Приехав на каникулы в Интергельпо, Лида чувствует, что она стала гораздо старше своих сверстников, гордится этим, дома ей становится скучно, она стремится назад, гигантская стройка притягивает ее, несмотря на все трудности. Когда комсомол отзывает Лиду с Балхаша, она добровольно остается.

Образ Лиды оттеняет таких героев, как Фишер, Александр Александрович, – по-разному страдающих на стройке. Пожалуй, Лида даже могла бы стать героиней советского производственного романа: она молодая, энергичная, мужественная, оптимистичная. Автор отдает ей должное, как и Тони Штрикеру, который умеет находить удовлетворение в труде, признает, что она олицетворяет тот типаж, который нужен советскому государству. Как отмечает А. Едличкова, характерным является столкновение Лиды с Александром Александровичем на стройке, когда Лида, захваченная впечатлениями от вида Балхашстроя с высоты вышки, бежит и случайно сбивает с ног бывшего московского бюрократа. Этот эпизод символизирует столкновение новой и старой жизни¹⁴. Однако в то же время Вайль замечает и то, что Лида как бы выпрямлена изнутри, она слишком легко и без сомнения усваивает коммунистические постулаты, слишком в них верит. Так, например, еще в Интергельпо она вместе со всеми членами комсомола осуждает отца одноклассницы Ани и согласна, что ей следует от него отказаться. В то же время автор не лишает Лиду человеческого начала, у нее есть свои привязанности (семья, Интергельпо) и сокровенная мечта – Москва: «Москва – это такая мечта, сбереженная для вечера, Москва, большой город с улицами, автобусами, метро, мединститутами и образцовыми больницами. Ах, как хороша, наверное, Москва, как там люди живут и работают, не засыпают под карканье зеленых ворон, идут домой спать по освещенным улицам, мимо больших магазинов и светящихся реклам, мимо плакатов на углах, мимо громкоговорителей радио на бульварах, сообщającego о победе на рабочем фронте» (75).

Таким образом, Вайль с помощью субъективного человеческого опыта своих героев пытается охватить пространство советской стройки второй пятилетки, которая не вмещается в понимание одного человека в силу ее физического масштаба и объективной неоднозначности. Как и в романе «Москва-граница», писатель находит несколько характерных типажей и показывает их способы жизни внутри советской реальности: ее принятие (Тони, Лида) и непринятие (Фишер, Александр Александрович). Исследуя судьбы этих персонажей, Вайль пытается выявить и «координаты» самой советской реальности. Эта реальность оказывается еще более ограниченной и сжатой, чем та, в которой живут герои «Москвы-границы», она еще сильнее теснит человека. Один из главных ее механизмов – «выравнивание» людей, все люди становятся в ней «человеческим материалом», над ними возвышается всемогущая

14 Jedličková A. Shledávám, chtě chválit skutky božské, že bohové jsou zlí. S. 203.

воля страны: «Стране нужны цветные металлы, чтобы могла работать ее промышленность. Страна послала сто тысяч людей на Балхаш. Ей не приходилось выбирать, она должна была послать тех людей, которые у нее были. Добровольцы и заключенные, воры и комсомольцы, вредители и герои, недруги и мобилизованные» (154). Вайль показывает, что воля государства, подчиняющая жизни людей, жестокая и безразличная, не разбирает их заслуги, не дает поблажек, заставляет преодолевать экстремальные условия: жару, холод, отсутствие воды, голод, болезни. При этом само государство не всегда берет на себя ответственность за то, что люди голодают, болеют, умирают, оно предусмотрело нормы, но не может подчинить природу: «Это нормы, справедливые нормы на Балхаше, и работающие заключенные получили бы их, если бы Балхаш был Волгой и они бы копали канал, соединяющий Волгу с Москва-рекой где-то у Дмитрова. Но не всегда возможно доставить продукты на Балхаш, *нельзя*. Озеро замерзло, а дороги закрыты. Остается рыба. Рыба из озера Балхаш, сушеная и соленая, хорошая рыба, но как можно все время есть только рыбу без хлеба и запивать ее горячей водой без сахара?» (152). Воля государства, помноженная на враждебную человеку природу, становится чем-то сродни античному року, воле богов, которая довлеет над человеком, вызывая в нем протест и чувство собственного бессилия. Эту мысль Вайль подчеркивает и выбором эпиграфа для романа – цитаты из трагедии Софокла «Филоклет»:

Я так и знал: не погибает злое, –
Нет, боги покровительствуют злу.
Им любо плута тертого, лукавца
Нам из Аида возвращать! А честных,
Достойнейших знай гонят в царство тьмы!
Что тут сказать?.. Как восхвалять богов?
Я их хвалю... но вижу: дурны боги!
(Перевод с древнегреч. С. В. Шервинского).

Таким образом, пространство Балхашстроя, величественной стройки второй пятилетки, изображенное Вайлем, – это место суровых испытаний, где против человека оказываются и государственная машина, и природа. В этом смысле вывод Вайля близок роману А. Платонова «Котлован», где автор, быть может, вопреки своим убеждениям, пессимистично смотрит на построение «светлого будущего», на строительстве которого погибает девочка, символ этого будущего. У Вайля точно так же на стройке погибает Тони Штрикер – молодой коммунист из Австрии, прекрасный специалист, человек цельный, светлый, устойчивый. В то же время в тексте Вайля звучит и другая мысль,

близкая советским производственным романам, – лишая людей свободы и личного счастья, государство действительно совершает чудеса индустриализации и позволяет им чувствовать себя сопричастными к этому титаническому походу, заставляет поверить в него: «План становится действительностью, и в него сейчас верят все, и непримиримые ффаеры, и недоверчивые кулаки, как не верить, если весна и в белые возведенные здания проникает солнце – факты говорят за себя» (159). Таким образом, люди на Балхашстрое – это, с одной стороны, винтики системы, смирившиеся со своей судьбой, а с другой стороны – титаны, творящие чудеса, преодолевающие смерть: «Песня звучит на Балхаше. Люди собираются вечером в клубе и поют, пение заглушает все – холод, мороз, смерть. В технических и образовательных кружках проходят лекции и доклады, будто бы нет смерти, будто люди приходят с веселых заводов» (155).

Обобщая все сказанное, можно сделать вывод о том, что в романе Вайля «Деревянная ложка» сосуществуют две смысловые доминанты: человек, оказавшийся в жерновах государственного строительства, и, с другой стороны, само это строительство, эпическое по своему масштабу, романтическое по устремлениям, но безжалостное по отношению к человеку. Охватывая разные стороны советской стройки, роман Вайля одновременно соотносится с советскими производственными романами, такими как «Цемент» Ф. Гладкова, «Гидророцентральный» М. Шагинян, с философскими романами «Котлован», «Счастливая Москва» А. Платонова, «Зависть» Ю. Олеши, где советские прозаики также пытались оценить социалистическое строительство человеческой мерой. В какой-то степени «Деревянная ложка» предвосхитила и так называемую «лагерную прозу» («Один день Ивана Денисовича», «Архипелах ГУЛАГ», «В круге первом» А. Солженицына, «Колымские рассказы» В. Шаламова и др.). При этом Вайлю удается балансировать между объективностью и субъективностью, отдавая дань правде исторической и правде человеческой.

Источники и литература

Гаганова А. А. Производственный роман. Стадиальное развитие жанра. Монография. М.: У Никитских ворот, 2022. 302 с.

Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 561 с.

Земскова Д. Д. Советский производственный роман: эволюция и художественные особенности жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

Куликова Г. Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов: очерки документированной истории. М.: Институт российской истории РАН, 2013. 368 с.

Пинегина Л. А. Медный гигант: Ист. очерк [о Балхашском горнометаллургическом комбинате]. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Каз. ССР, 1963. 149 с.

Шульц И. Стахановцы из Европы. Почти забытая история о переселении чехословацкой коммуны в СССР // Пражский экспресс. URL: <https://www.prague-express.cz/personal-experience/68786-stakhanovtsy-iz-evropyh> (дата обращения: 28.08.2025).

Jedličková A. Shledávám, chtě chválit skutky božské, že bohové jsou zlí // Weil J. Dřevěná lžíce. Praha: Mladá fronta, 1992. S. 199–207.

Lukáš O. Utopie v Leninově zahradě: Československá komuna Interhelpo. Žilina: Absynt, 2023. 447 s.

Marek J. Interhelpo. Tragický příběh československých osadníků v Sovětském svazu. Brno: Host, 2020. 325 s.

Vondračková S. Mrazilo – tálo (O Jiřím Weilovi). Praha: Torst, 2014. 121 s.

Weil J. Dřevěná lžíce. Praha: Mladá fronta, 1992. 214 s.

References

Dehvid-Foks, M. *Vitriny velikoho ehksperimenta: kul'turnaia diplomatiia Sovetskogo Soiuzu i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody*, transl. by V. Makarov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 561 p.

Gaganova, A. A. *Proizvodstvennyi roman. Stadiial'noe razvitie zhanra. Monografiia*. Moscow: U Nikitskikh vorot, 2022, 302 p.

Jedličková, A. “Shledávám, chtě chválit skutky božské, že bohové jsou zlí.” Weil J. *Dřevěná lžíce*. Praha: Mladá fronta, 1992, pp. 199–207.

Kulikova, G. B. *Novyi mir glazami starogo. Sovetskaia Rossiia 1920–1930-kh godov glazami zapadnykh intelektualov: ocherki dokumentirovannoi istorii*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2013, 368 p.

Lukáš, O. *Utopie v Leninově zahradě: Československá komuna Interhelpo*. Žilina: Absynt, 2023, 447 p.

Marek, J. *Interhelpo. Tragický příběh československých osadníků v Sovětském svazu*. Brno: Host, 2020, 325 p.

Pinegina, L. A. *Mednyi gigant: Istoricheskii ocherk [o Balkhashskom gornometallurgicheskoi kombinat]*. Alma-Ata: Izd-vo Akad. nauk Kaz. SSR, 1963, 149 p.

Shul'ts, I. “Stakhanovtsy iz Evropy. Pochti zabytaia istoriia o pereselenii chekhoslovatskoi kommuny v SSSR.” *Prazhskii ehkspress*. URL: <https://www.prague-express.cz/personal-experience/68786-stakhanovtsy-iz-evropyh> (accessed: 28.08.2025).

Vondračková, S. *Mrazilo – tálo (O Jiřím Weilovi)*. Praha: Torst, 2014, 121 p.

Weil, J. *Dřevěná lžíce*. Praha: Mladá fronta, 1992, 214 p.

Zemskova, D. D. *Sovetskii proizvodstvennyi roman: ehvoliutsiia i khudozhestvennye osobennosti zhanra: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk*. Moscow, 2016.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.09

A. V. Grasko

The Image of a Communist Construction Site in J. Wail's Novel "The Wooden Spoon"

Anna V. Grasko

Junior Research Fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: anna-grasko@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7805-9008

Citation

Grasko A. V. The Image of a Communist Construction Site in J. Wail's Novel "The Wooden Spoon" // *Slavic Almanac*. 2025. No. 3–4. P. 185–203 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.09

Received: 01.08.2025.

Revised: 10.09.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

The novel "The Wooden Spoon" (1937) by the Czech writer and publicist Jiří Weil (1900–1959) is introduced into Russian scientific circulation for the first time. Its main theme and setting are the construction of a copper smelter on Lake Balkhash – Balkhashstroy. Weil tries to evaluate the large-scale communist construction by human standards – to depict it through the prism of the lives of four characters, each of whom represents a certain type: a Soviet official in exile, a Czech communist intellectual, a skilled foreign worker, and a Komsomol member mobilized for the construction site. The fates of these characters give the author the opportunity to show different sides of Soviet construction – domestic, psychological, ideological and political. The writer conceptualizes the space of Balkhashstroy as a place of severe trials, where both the impersonal state machine, aimed at achieving its grandiose goals, and

nature – a harsh desert, not adapted for human life – are against man. It is interesting that the author equates the will of the state, deprived of personification, with the fate of ancient Greek tragedies, and its anthropocentric position brings the novel “Wooden Spoon” closer to the works of such Soviet writers as A. Platonov, B. Pilnyak, Ju. Olesha. At the same time, the novel includes not only an existential-philosophical evaluation, but also the pathos of heroic construction, overcoming nature and one’s “I”, and in this it correlates with the Soviet industrial novel of the 1930s.

Keywords

Czech literature, Jiří Weil, communist construction, Soviet construction projects of the first five-year plans, USSR of the 1930s, literature about the USSR, image of Soviet Russia, Balkhashstroy.